

Захаров Владимир Николаевич

*доктор филол. наук,
профессор кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vnz01@yandex.ru*

Захарова Ольга Владимировна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы и журналистики,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ovzakh05@yandex.ru*

DOI: 10.15393/j10.art.2014.3

**КТО АВТОР НЕКРОЛОГОВ ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ
МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО?**

Аннотация: В процессе изучения рецепции творчества Достоевского в прижизненной критике О. В. Захарова поставила вопрос об атрибуции некрологов и сообщений по случаю смерти М. М. Достоевского, опубликованных в русских газетах в июле 1864 г. Ряд признаков, таких как глубоко личное переживание горя, внутренняя сдержанность и достоинство стиля, делали некролог незаурядным явлением этого жанра в русской периодической печати 1860-х годов.

В данной статье доказывается принадлежность Ф. М. Достоевскому ряда материалов и опубликованного в «Иллюстрированной Газете» некролога. На это указывают обстоятельства болезни и смерти М. М. Достоевского, роль Ф. М. Достоевского в организации похорон, неизвестные или малоизвестные публике подробности жизни и смерти, творчества и редакторской работы старшего брата, смысловые и стилистические совпадения в рассказе о последних днях его жизни в некрологах, опубликованных в «Иллюстрированной Газете» (16 июля 1864 г.) и «Эпохе» (20 августа 1864 г.), в письмах Ф. М. Достоевского брату А. М. Достоевскому (29 июля 1864 г.) и другу А. Е. Врангелю (31 марта — 14 апреля 1865 г.). Участие в похоронах М. М. Достоевского редактора «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотова способствовало публикации некролога: похороны состоялись в понедельник, газета выходила по четвергам. Передача текста могла состояться во время похорон, некролог Достоевский мог завести в редакцию во вторник-среду.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Михаил Достоевский, Владимир Зотов, некролог, атрибуция.

22 июля 2014 г. мало кто вспомнил, что 150 лет тому назад умер Михаил Михайлович Достоевский.

В публикации двадцатилетней давности один из соавторов данной статьи писал, что М. М. Достоевский — забытый писатель, имея в виду, что последнее его собрание сочинений вышло в 1915 г., о нем мало, кто вспоминал, а если и вспоминал, то зачастую лишь в связи с изучением биографии и творчества его младшего брата Федора [1; 614].

Михаилъ Михайловичъ Достоевскій.

За прошедшие с тех пор двадцать лет ситуация изменилась. «Забытый» писатель уже не забыт. Стараниями сотрудников Web-лаборатории филологического факультета Петрозаводского государственного университета опубликована большая часть его литературного наследия: художественные произведения, переводы, критика, публицистика, избранная переписка; все тексты доступны в Интернете, их можно свободно читать, копировать, изучать (<http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>).

Когда мы говорим о значении того или иного писателя, нужно иметь в виду, что не все из них гении. Есть писатели, которые гениев вдохновляют, влияют на них, являются их собеседниками, соратниками в общем литературном деле.

Замечательно о значении «обыкновенных талантов» сказал В. Г. Белинский:

«Бедна литература, не блистающая именами гениальными, но не богата и литература, в которой все — или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы и чем больше их, тем лучше для литературы»¹.

ДВА БРАТА

Михаил Михайлович играл важную роль в судьбе младшего брата, причем не только при жизни, но и после смерти. В своих поздних романах, письмах, записных тетрадях Достоевский постоянно отмечает, что видел брата во сне. «Мих-Мих», как его звали в семейном кругу, был неизменным собеседником брата. Его явления во сне всегда вызывали у Федора Михайловича тревожные предчувствия².

Особое значение имеет переписка братьев, когда они, никогда прежде не расстававшиеся, были разлучены в связи с откомандированием Михаила в конце апреля 1838 г. на службу в Ревельскую инженерную команду.

Как гений, в 1830-е годы Достоевский прежде всего проявил себя в общении с братом, в эпистолярном жанре, в переписке. Сегодня его письма разобраны на цитаты, их воспринимают как сентенции великого человека, хотя их писал семнадцатилетний юноша.

Братья были разными по характеру. Михаил — сдержан, Федор — неукротим. Он живо впечатлялся мыслями и чувствами, бурно переживал их, зажигал ими окружающих.

Третий брат, Андрей, вспоминал: «Я припоминаю еще и другія слова отца, которыя служили не нравоученіемъ, а скорѣе остановкою и предостереженіемъ. Я уже говорилъ неоднократно, что братъ Федоръ былъ слишкомъ горячъ, энергично отстаивалъ свои убѣжденія, и вообще былъ довольно рѣзокъ на слова. При такихъ проявленіяхъ со стороны брата папенька неоднократно говаривалъ: “Эй, Федя, уймись, не сдобровать тебѣ... быть тебѣ подъ красной шапкой!” Привожу слова эти, вовсе не ставя ихъ за пророческія, — пророчество есть слѣдствіе предвидѣнія, отецъ же никогда и предположить не хотѣлъ и не могъ, чтобы дѣти его учинили что нибудь худое, такъ какъ онъ былъ въ дѣтяхъ своихъ увѣренъ. — Привель же слова эти въ удостовѣреніе пылкости братнина характера во время его юности»³.

Выражение «быть под красной шапкой» означает «угодить в солдаты», что и случилось с Федором после выхода из каторги в середине 1850-х годов.

Михаил сочинял стихи, писал по нескольку стихотворений в день. Однако почти ничего из его поэтических опытов не сохранилось. Уцелело только то, что сберег друг юности, доктор А. Е. Ризенкамф.

Федор также писал стихи, хорошо владел версификаторской техникой, но в них исчезала поэзия — оставались рифмованные мысли.

В прозе всё было наоборот. Когда Михаил писал прозу, в ней исчезала поэзия.

Федор был поэтом в прозе, Михаил — поэтом в стихах, оба — поэты.

Они прекрасно понимали и дополняли друг друга.

Без преувеличения можно сказать, что без Михаила не было бы Федора Достоевского.

Для Федора брат Михаил был самым близким человеком. Всё исчерпывают слова:

«Для такого брата, каким он был я и голову и здоровье отдам» (15₂; 80).

«Брата моего я любил бесконечно...» (15₂; 101).

Казалось бы, не во всем Михаил был безупречен.

Когда 23 апреля 1849 г. арестовали Федора и по ошибке Андрея, он «в панике» сжег рукописи — и брата, и свои: письма, документы, уничтожил все следы литературной деятельности. То немногое, что уцелело, сохранилось случайно.

С. Д. Яновский, например, всю жизнь жалел об утрате записки, в которой Федор уведомлял его, что «сильно занят сбором денег по подписке в пользу одного несчастного пропойцы, который, не имея на что выпить, а потом напиться и, наконец, опохмелиться, ходит по дачам и предлагает себя *посечься* за деньги. Рассказ Федора Михайловича был верх совершенства в художественном отношении; в нем было столько гуманности, столько участия к бедному пропойце, что невольно слеза прошибала, но было не мало и того юмора и той преследующей зло беспощадности, которые были в таланте Федора Михайловича»⁴.

Так исчез архив Достоевского 1840-х годов [2; 287–296].

После выхода из каторги Федор недоумевал, почему брат слишком осторожно вел себя. Родственники других узников и к начальству с просьбами обращались, и хлопотали об ослаблении наказания, и деньги посылали. Михаил никак не проявил заботу о брате во время Омской каторги.

Федор был великодушен и не упрекал брата.

С братом они затеяли журнал, разделили успех и катастрофу «Времени», тревоги и заботы «Эпохи».

СМЕРТЬ БРАТА

Михаил Михайлович умер неожиданно. Все знали, что он болеет, и чем дальше, тем тяжесть болезни усиливалась, но никто не ожидал скоротечной смерти. Он по-прежнему много работал; живя на даче в Павловске, часто ездил по журнальным делам в Петербург, в конце июня, ослабев, засел на даче; в воскресенье 5 июля почувствовал облегчение, никто не предполагал «худого исхода»; узнав в понедельник вечером о цензурном запрещении одной статьи, не спал всю ночь, чувствовал себя плохо весь день,

сам Федор Михайлович, чтобы устроить свои дела, принять меры по организации похорон.

Это обстоятельство объясняет, почему газета «Голос» раньше других (11 июля) опубликовала сообщение о смерти редактора «Эпохи», а 12 июля только в этой газете появилось извещение о времени и месте отпевания и похорон Михаила Михайловича.

Вот это первое сообщение:

«Некрологъ. — Въ пятницу, 10-го іюля, въ 7-мъ часу утра, скончался, въ Павловскѣ, редакторъ ежемѣсячнаго журнала “Эпоха”, Михаилъ Михайловичъ Достоевскій»⁵.

12 июля идентичный текст опубликовали газеты «Русский Инвалид»⁶, «Северная Пчела»⁷, «Петербургский Листок»⁸, со ссылкой на «Голос» дали сообщение «Санкт-Петербургские Ведомости»⁹, из чего следует, что организатор похорон не обращался в «академическую газету», как называли это издание в обиходе. Разночтения незначительны, их вариации объяснимы разными пристрастиями корректоров и метранпажей к оформлению текста.

Некрологъ. — Въ пятницу, 10-го іюля, въ 7-мъ часу утра, скончался, въ Павловскѣ, редакторъ ежемѣсячнаго журнала «Эпоха», Михаилъ Михайловичъ Достоевскій.

Голос, 1864. № 189.

Некрологъ. Въ пятницу, 10-го іюля, въ 7-мъ часу утра, скончался, въ Павловскѣ, редакторъ ежемѣсячнаго журнала *Эпоха*, Михаилъ Михайловичъ Достоевскій.

Русский Инвалид, 1864. № 155.

НЕКРОЛОГЪ. — Въ пятницу, 10-го іюля, въ 7-мъ часу утра, скончался, въ Павловскѣ, редакторъ ежемѣсячнаго журнала «Эпоха», Михаилъ Михайловичъ Достоевскій.

Петербургский Листок, 1864. 12 июля.

В своем изложении дали скорбную весть «Московские Ведомости»:

«Петербургскія газеты извѣщаютъ о смерти, послѣдовавшей 10-го іюля, редактора журнала Эпоха, Михаила Михайловича Достоевскаго (брата извѣстнаго романиста)»¹⁰.

Со значительным опозданием этот текст перепечатали «Кронштадский Вестник» (со ссылкой на «Голос»)¹¹, «Киевский Телеграф»¹², «Одесский Вестник»¹³.

Текст не оригинален в том смысле, что он воспроизводит типичную жанровую формулу: **когда где скончался имярек**.

Каким образом идентичный текст попал одновременно в несколько газет накануне похорон?

Очевидно, что опубликованный текст был кем-то написан и доставлен в редакции ведущих петербургских газет.

Кто это был — вопрос риторический.

12 июля газета «Голос» сообщила:

«Отпѣваніе тѣла и погребеніе М. М. Достоевскаго будутъ происходить въ понедѣльникъ, 13-го іюля, въ Павловскѣ»¹⁴.

Кто был источником этой информации?

Всё свалилось на одного человека, у которого к тому же не было помощников.

13 июля состоялись похороны.

ПОХОРОНЫ

Этот день описан двумя очевидцами.

Первый — полицейский агент, который донес начальству:

«На похоронахъ бывшаго редактора журнала “Эпоха” М. Достоевскаго не произошло ничего особеннаго.

На кладбищѣ покойнаго сопровождали литераторы: Милюковъ, Полонскій, Зотовъ, Майковъ и Моллеръ. Постороннихъ лицъ было очень мало. Надгробной речи никто не говорилъ. Достоевскій похороненъ въ Павловскѣ». Слева на полях стоит помета: «13 іюля»¹⁵.

Так описаны похороны в полицейском отчете: ничего не случилось, не было даже надгробных речей, названы имена пришедших на кладбище литераторов.

После отпевания ни у кого не возникло желанія говорить речи, это было общим состояніемъ всех, кто шел за гробомъ.

За молчаніемъ близкихъ скрывалась боль, за молчаніемъ другихъ — равнодушіе. Немногие заметили смерть литератора, придали ей значеніе.

Имя второго очевидца в полицейском отчете не названо. По-видимому, агент не причислил его к литераторам, с почтением отнесся к А. В. Ники-тенко, к его генеральскому званию и его должностям в Главном управле-

нии цензуры и в совете министра внутренних дел по делам книгопечатания. Генерал, цензор, важный чиновник не внушал никаких подозрений.

Не названы, впрочем, и сам Федор Михайлович, и семейство покойного. А. В. Никитенко так описал этот день в своем дневнике:

«13 июля 1864 года, понедельник

На похоронах Достоевского (Михаила). Он умер от разлития желчи, 44 лет. Это был не столько замечательный литератор, сколько честный и добрый человек. Брат его Федор больше писатель: он сильно пострадал, был замешан в истории Петрашевского. Лет пять он провел на каторге. Я проводил бедного покойника на кладбище»¹⁶.

Хоронили М. М. Достоевского в душный июльский день:

«С балкона моей дачи я часто любовался хорошеньким леском на косогоре, по ту сторону Славянки. Оказалось, что этот лесок есть тихое вечное пристанище павловских обывателей. Вся церемония продолжалась с обедней часов больше двух. Жар был сильнейший, собиралась гроза, великолепные тучи наплывали с запада. Однако грозы не было. Я ни крошки не устал»¹⁷.

Через тринадцать лет и сам Никитенко обрел вечный покой на этом погосте.

НЕКРОЛОГ КАК РЕДАКЦИОННЫЙ ЖАНР «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ГАЗЕТЫ»

Несколько дней спустя после похорон сначала в «Иллюстрированной Газете» (16 июля), потом со ссылкой на нее в «Русском Инвалиде» (17 июля) и «Северной Пчеле» (18 июля) появился еще один (пространный) некролог.

Можно предположить, что таким образом память о Михаиле Михайловиче почтил бывший на похоронах ее редактор В. Р. Зотов: вернулся, написал, опубликовал. Оба редактора, оба знакомы с конца 1840-х гг., оба были замешаны, но оправдались по делу Петрашевского, если не приятельствовали, то поддерживали личные и деловые отношения.

Некролог — редакционный жанр «Иллюстрированной Газеты».

В программном объявлении «Иллюстрированная Газета в 1864 г.» среди многих рубрик значатся: «Разныя извѣстія во всѣхъ городахъ, мелкія фельетонныя статьи, некрологъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, умирающихъ въ настоящее время, математическія задачи, моды, ребусы, шахматы, игры и проч.»¹⁸.

литературъ в журн...
Разныя извѣстія во всѣхъ городахъ, мелкія фельетонныя статьи, некрологъ всѣхъ замѣчательныхъ лицъ, умирающихъ въ настоящее время, математическія задачи, моды, ребусы, шахматы, игры и проч.

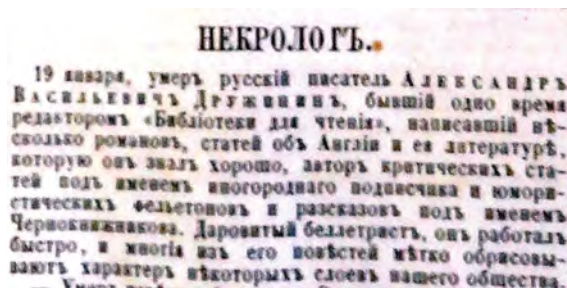
Редакция регулярно печатала сообщения о смертях именитых русских и иностранных деятелей. Они были написаны в соответствии с жанровыми установками издания: отчужденно, сухо, с использованием риторических штампов и заданных шаблонов.

Почти все некрологи анонимны, имеют редакционный характер. Исключение — некролог по случаю смерти И. П. Сахарова¹⁹, подписанный инициалами «П. П.» и стилистически выбивающийся из общего ряда редакционных некрологов издания, которые чаще всего если не писал, то правил сам редактор издания.

У В. Р. Зотова бойкая, но штампованная литературная речь. Он набил руку в разных жанрах, пишет легко, подчас бесцеремонно, не особенно утруждая себя книжными разысканиями, не заботясь о логике, не считаясь с хронологией жизни умершего.

Вот как представлена смерть А. В. Дружинина:

«19 января, умеръ русскій писатель Александръ Васильевичъ Дружининъ, бывший одно время редакторомъ “Библиотеки для чтенія”, написавшій нѣсколько романовъ, статей объ Англіи и ея литературѣ, которую онъ зналъ хорошо, авторъ критическихъ статей подъ именемъ иногороднаго подписчика и юмористическихъ фельетоновъ и рассказовъ подъ именемъ Чернокнижника. Даровитый беллетристъ, онъ работалъ быстро, и многія изъ его повѣстей мѣтко обрисовываютъ характеръ нѣкоторыхъ слоевъ нашего общества»²⁰.

Из того, что сказано, читатель узнает случайные факты, один из псевдонимов почившего литератора, поверхностное суждение автора некролога о репутации беллетриста, критика и фельетониста.

А вот некролог о другом писателе и редакторе:

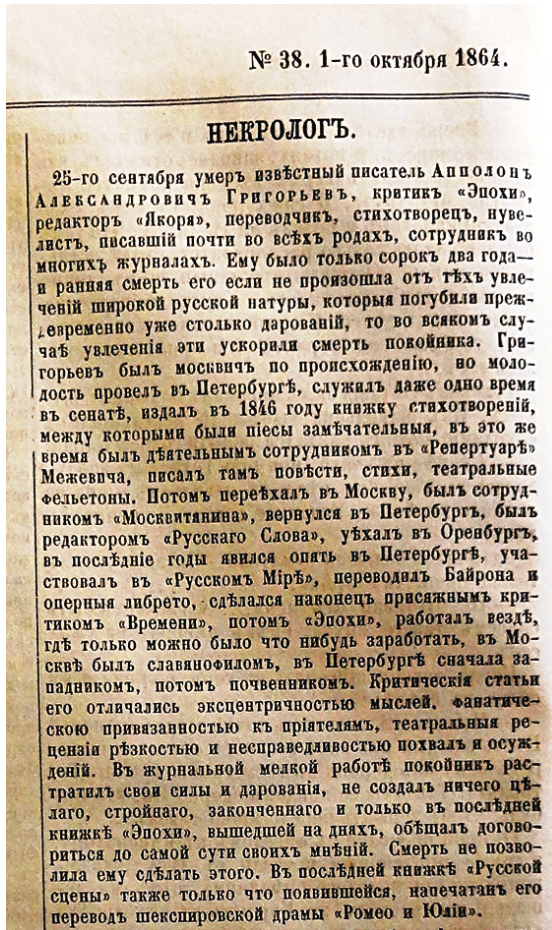
«Въ Москвѣ умеръ редакторъ “Русскихъ Вѣдомостей” Николай Филиповичъ Павловъ, извѣстный писатель и журналистъ. Въ молодые годы онъ составилъ себѣ извѣстность нѣсколькими повѣстями (“Маскарадъ”, “Демонъ”, “Мильонъ”, “Ятаганъ”). Писалъ также стихотворенія. Въ эпоху оживленія русской литературы въ 1853 году, выступилъ съ замѣчательными полемическими статьями “Разборомъ комедіи гр. Соллогуба, «Чиновникъ»”, “Біографъ ориенталистъ”, и др., потомъ сталъ писать в “Русскомъ Вѣстникѣ”, началъ издавать въ

1862 г. свою собственную газету “Наше время”, неимѣвшую успѣха и прекратившуюся въ половинѣ 1863 г. Съ нынѣшняго года издавалъ дешевую газету, выходящую три раза въ недѣлю и стоившую 3 руб. сер. Павловъ былъ неоспоримо писатель съ дарованіемъ, хотя и употреблялъ его не всегда въ хорошую сторону»²¹.

Снова поверхностные заключения, необязательные подробности, случайные факты, неуместное морализаторство.

Может быть, дарование усопших было ничтожно, что и сказать о них что-либо особо было нечего?

Но вот некролог о колоритной фигуре в русской журналистике и критике:

«25-го сентября умеръ извѣстный писатель Апполонъ Александровичъ Григорьевъ, критикъ “Эпохи”, редакторъ “Якоря”, переводчикъ, стихотворецъ, нувелистъ, писавшій почти во всѣхъ родахъ, сотрудникъ во многихъ журналахъ. Ему было только сорокъ два года — и ранняя смерть его

если не произошла отъ тѣхъ увлеченій широкой русской природы, которыя погубили преждевременно уже столько дарованій, то во всякомъ случаѣ увлеченія эти ускорили смерть покойника. Григорьевъ былъ москвичъ по происхожденію, но молодость провелъ въ Петербургѣ, служилъ даже одно время въ сенатѣ, издалъ въ 1846 году книжку стихотвореній, между которыми были піесы замѣчательныя, въ это же время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ “Репертуарѣ” Межевича, писалъ тамъ повѣсти, стихи, театральные фельетоны. Потомъ переѣхалъ въ Москву, былъ сотрудникомъ “Москвитянина”, вернулся въ Петербургъ, былъ редакторомъ “Русскаго Слова”, уѣхалъ въ Оренбургъ, въ послѣдніе годы явился опять въ Петербургъ, участвовалъ въ “Русскомъ Мірѣ”, переводилъ Байрона и оперныя либрето, сдѣлался наконецъ присяжнымъ критикомъ “Времени”, потомъ “Эпохи”, работалъ вездѣ, гдѣ только можно было что нибудь заработать, въ Москвѣ былъ славянофиломъ, въ Петербургѣ сначала западникомъ, потомъ почвенникомъ. Критическія статьи его отличались эксцентричностью мыслей, фанатическою привязанностью къ пріятелямъ, театральныя рецензіи рѣзкостью и несправедливостью похвалъ и осужденій. Въ журнальной мелкой работѣ покойникъ растратилъ свои силы и дарованія, не создалъ ничего цѣлаго, стройнаго, законченнаго и только въ послѣдней книжкѣ “Эпохи”, вышедшей на дняхъ, обѣщаль договориться до самой сути своихъ мнѣній. Смерть не позволила ему сдѣлать этого. Въ послѣдней книжкѣ “Русской сцены” также только что появившейся, напечатанъ его переводъ шекспировской драмы “Ромео и Юлія”»²².

Снова случайные сведения, намеки на личные пороки, неуместное морализаторство, легкость путаныхъ сужденій и немотивированныхъ оценокъ — и напоследокъ совсемъ ненужное примечание.

Те же самыя проблемы проявились, когда В. Р. Зотовъ написалъ о братьяхъ Достоевскихъ в «Русскомъ энциклопедическомъ словаре» И. Н. Березина. Федора Михайловича возмутило, что авторъ биографической справки в краткомъ текстѣ наделалъ множество ошибокъ: перепуталъ, кто старшій, кто младшій братъ, смешалъ порядокъ сочиненій, выдумалъ, чего не было. Его выводъ — статья составлена неряшливо и бестолково:

«Бесспорно г<осподин> В. З. (г. Владимир Зотов?) можетъ иметь свою точку зрѣнія и считать самымъ последнимъ деломъ, в биографическомъ сведеніи о писателе, верное указаніе на то, когда онъ родился, какіе именно испыталъ приключенія, где, когда и в какомъ порядкѣ печаталъ свои произведенія, какіе труды его считать первоначальными, а какіе заключительными, какіе изданія издавалъ, какіе редактировалъ и в какихъ былъ только сотрудникомъ; темъ не менее, хоть для аккуратности, желалось бы побольше толку. Не то, пожалуй, читатели подумаютъ, что и все статьи в словаре г<осподи>на Березина составлены также неряшливо» (11; 307).

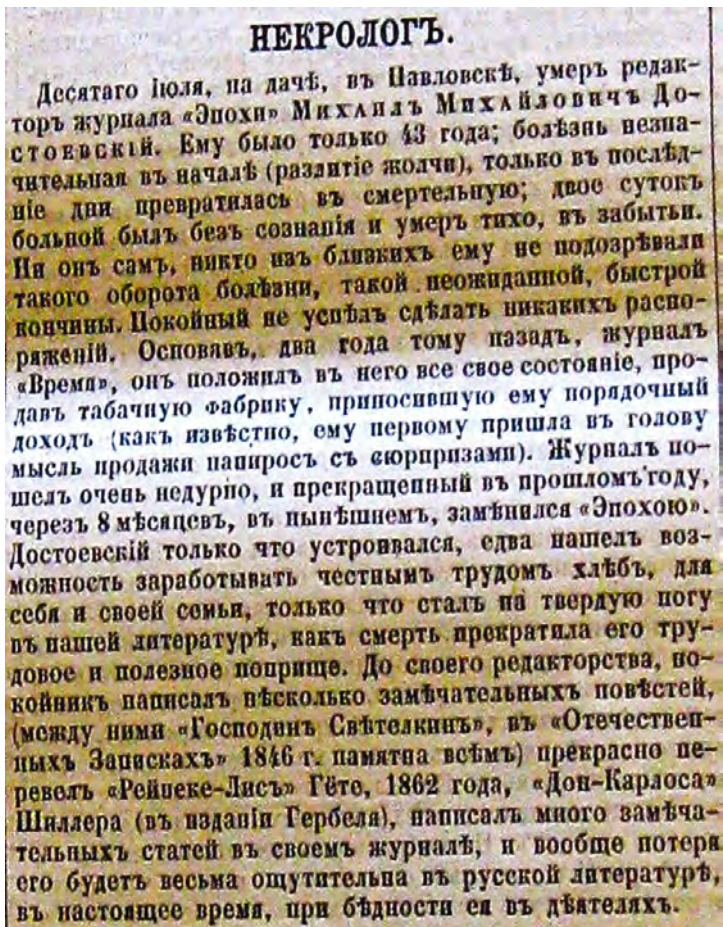
Таковы особенности стilia В. Р. Зотова.

КТО АВТОР?

В «Иллюстрированной Газете» по случаю смерти Михаила Михайловича представлен совсем другой текст:

«НЕКРОЛОГЪ»

Десятаго юля, на дачѣ, въ Павловскѣ, умеръ редакторъ журнала «Эпохи» Михаилъ Михайловичъ Достоевскій. Ему было только 43 года; болѣзнь незначительная въ началѣ (разлитіе желчи), только въ послѣдніе дни превратилась въ смертельную; двое сутокъ больной былъ безъ сознанія и умеръ тихо, въ забытїи. Ни онъ самъ, никто изъ близкихъ ему не подозрѣвали такого оборота болѣзни, такой неожиданной, быстрой кончины. Покойный не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій. Основавъ, два года тому назадъ, журналъ «Время», онъ положилъ въ него все свое состояніе, продавъ табачную фабрику, приносившую ему порядочный доходъ (какъ извѣстно, ему первому пришла въ голову мысль продажи папиросъ съ сюрпризами). Журналъ пошелъ очень недурно, и прекращенный въ

прошломъ году, черезъ 8 мѣсяцевъ, въ нынѣшнемъ, замѣнился “Эпохою”. Достоевскій только что устроивался, едва нашель возможность зарабатывать честнымъ трудомъ хлѣбъ, для себя и своей семьи, только что сталъ на твердую ногу въ нашей литературѣ, какъ смерть прекратила его трудовое и полезное поприще. До своего редакторства, покойникъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ повѣстей, (между ними “Господинъ Свѣтелкинъ”, въ “Отечественныхъ Запискахъ” 1846 г. памятна всѣмъ) прекрасно перевелъ “Рейнеке-Лисъ” Гёте, 1862 года, “Дон-Карлоса” Шиллера (въ изданіи Гербеля), написалъ много замѣчательныхъ статей въ своемъ журналѣ, и вообще потеря его будетъ весьма ощутительна въ русской литературѣ, въ настоящее время, при бѣдности ея въ дѣятеляхъ»²³.

Сразу отметим, что первое предложение почти дословно совпадает с кратким некрологом, опубликованным 11-12 июля во всех ведущих петербургских газетах.

В тексте точно указан возраст Михаила Михайловича (в чем, как известно, путался В. Р. Зотов), нет отчуждения, выражено личное переживание смерти близкого человека, дана оценка его успешной деятельности в таких подробностях, которые явно были неизвестны посторонним людям, есть логика высказывания, которая отсутствует в редакционных некрологах «Иллюстрированной Газеты».

Кто знал подоплеку коммерческой, журналистской и литературной деятельности почившего, кому были интересны интимные подробности болезни и обстоятельства смерти Михаила Михайловича?

Та же компетентность проявлена и те же чувства выражены в некрологе «Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском», опубликованном Достоевским в июньском номере «Эпохи» (цензурное разрешение 20 августа) (5; 282-285), в его письмах А. М. Достоевскому (15₂; 78-81) и А. Е. Врангелю (15₂; 99-103).

На два разночтения стоит обратить внимание.

В «Некрологе» ошибочно указано, что «Господин Светелкин» опубликован в 1846 г., — в статье год публикации указан правильно: 1848, что можно счесть исправлением опечатки.

В «Некрологе» сказано, что Михаил Михайлович «написал много замечательных статей в своем журнале».

Месяц спустя в «Эпохе» градус апологии снижен:

«Всегда буквально заваленный работою по изданию, он сам писал в журнале мало; всего было только несколько статей его, в отделении критики» (5; 284).

Достоевскій защищает брата от возможных упреков:

«Те, которые упрекают редакторов в том, что они мало пишут и стало быть как бы пользуются чужими трудами, не понимают что говорят. Если редактор действительно занимается сам своим журналом, то дух, цель, направление издания, все исходит от него. Он мало-помалу неприметно окружает себя постоянными, согласными в убеждениях сотрудниками. Он, часто неприметно для самих сотрудников, наводит их на мысль пи-

сать именно о том что надо журналу. От редактора исходит единство и целостность журнала» (5; 284).

Как некролог мог появиться в «Иллюстрированной Газете»? Присутствие на похоронах В. Р. Зотова способствовало публикации: погребение состоялось в понедельник, газета выходила по четвергам. Передача текста могла состояться после похорон, некролог могли занести в редакцию во вторник или, в крайнем случае, утром в среду.

Некролог Михаилу Михайловичу был признанием его заслуг в русской литературе, признанием того значения, которое он имел в жизни младшего брата.

Чтобы так писать, нужно было быть Федором Достоевским.

Он сказал то, чего не знали другие в настоящем и не предполагали в будущем современники.

Публикации появились не сами по себе. Их кто-то написал. За ними угадывается тот, в чьих руках сошлись все нити события, кто распорядился похоронами, кто понимал будущее значение литературной деятельности М. М. Достоевского.

У этих неподписанных текстов есть автор — *Федоръ Достоевскій*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров В. Н. Дебют гения / В. Н. Захаров // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : канонические тексты ; под. ред. В. Н. Захарова. — Т. 1. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 609–637.
2. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? / В. Н. Захаров // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 287–296.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : В 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 379.
- ² Ср.: «Мне всё снятся дурные сны, брат, отец, а их явления, никогда не предвещали доброго. Ты знаешь, я этому давно уже принужден верить, по грозным фактам» (Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 18 т. ; под ред. В. Н. Захарова. М. : Воскресенье, 2004. Т. 15. Кн. 1. С. 214; письмо к А. Г. Достоевской из Эмса от 14/26 июля 1874 г. Далее ссылки на сочинения Достоевского даются в тексте статьи по данному изданию с указанием тома и страницы.
- ³ Режим доступа: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/dostoev/texts/vospomin/vospomin.htm>
- ⁴ Яновский, С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 235.
- ⁵ Голос. 1864. № 189. 11 июля. Суббота. С. 3.
- ⁶ Русский Инвалид. 1864. № 155. 12 июля. Воскресенье. С. 4.
- ⁷ Северная Пчела. 1864. № 171. 12 июля. С. 615.
- ⁸ Петербургский Листок. 1864. № 65.
- ⁹ Санкт-Петербургские Ведомости. 1864. № 154. 12 июля. Воскресенье. С. 622.
- ¹⁰ Московские Ведомости. 1864. № 155. 14 июля. С. 2.

- ¹¹ Кронштадтский Вестник. 1864. № 81. 15 июля. С. 324.
- ¹² Киевский Телеграф. 1864. № 80. 19 июля. Воскресенье. С. 408.
- ¹³ Одесский Вестник. 1864. № 161. 23 июля. Четверг. С. 632.
- ¹⁴ Голос. 1864. № 190. 12 июля. Воскресенье. С. 3.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Ед. хр. 72. Впервые опубликовано: Ф. М. Достоевский: Литературное наследство. Т. 83 : Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; ред. тома И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. — М. : Наука, 1973. — С. 399.
- ¹⁶ Никитенко А. В. Дневник : В 3 т. Т. 2: 1858-1865. М. : ГИХЛ, 1955. С. 450.
- ¹⁷ Там же. С. 450-451.
- ¹⁶ Иллюстрированная Газета. 1864. № 1. 2 января. С. 16.
- ¹⁷ Там же. С. 10.
- ¹⁸ Иллюстрированная Газета. 1864. № 4. 23 января.
- ¹⁹ Иллюстрированная Газета. 1864. № 15. 9 апреля. С. 239.
- ²⁰ Иллюстрированная Газета. 1864. № 38. 1 октября. С. 10.
- ²¹ Иллюстрированная Газета. 1864. № 27. 16 июля. Четверг. С. 32.